

ЕВГЕНИЙ ЧЕШИРКО

и ДРУЗЬЯ

КЛУБ ДОМОВОГО

Более
2 000 000
читателей
в Рунете!

Одобрено Рунетом

Коллектив авторов
Клуб домового (сборник)

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Клуб домового (сборник) / Коллектив авторов — «АСТ»,
2018 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-102974-6

Знаменитый Домовой, любимец Рунета и гроза сантехников, представляет своих коллег и знакомых — домовых и леших, кикимор и русалок, упырей и вурдалаков... Среди приглашенных звезд Баба-яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч... и те, кому повезло с ними встретиться. Самые веселые истории о сказочной нечисти от Евгения ЧеширКо и его друзей!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-102974-6

© Коллектив авторов, 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Евгений ЧеширКо	6
Предисловие	8
Наталья Алексеева	9
Наталья Алексеева	12
Надежда Башлыкова	18
Алексей Бобышев	24
Галина Буланько	27
Алексей Буцайло	31
Александр Горбов	34
Занудастарый	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Клуб Домового

Составитель Евгений ЧеширКо

© Евгений ЧеширКо, сост. и вступ. ст., 2018

© Авторы, текст, 2018

© Юлия Межова, иллюстрации, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Евгений ЧеширКо Дневник Домового Последняя страница

Очень долго не писал – не до этого было. Старались с Котом не тревожить Хозяйку нашу без дела. Даже Халк пообещал, что если снова помирить удумает, то постарается сделать это как можно тише. Поэтому ничего особенного за это время не произошло. Ну, как не произошло? Одно событие, конечно же, случилось. Самое главное. Но об этом позже.

Вчера открыл я свой дневник и обнаружил, что тетрадка-то моя закончилась. Последняя страница пустой осталась. Сел я в кладовке, да и давай его перечитывать с самого начала. Сколько же всего у нас за эти почти три года случилось... Как сейчас помню – жили мы с Хозяйкой да с Котом и не тужили. Скучновато, конечно, было иногда, но мы с Котом сами себя развлекали. Он на меня еще обижался тогда часто. Да и сейчас обижается. Наверное, это у него наследственное.

Потом Хахаль нарисовался. Ох и невзлюбили мы его тогда. А что? Мы тут, значит, живем дружной семьей, а он, ты посмотри – кавалер, ишь ты... Но он, гад такой, настойчивым оказался – долго не раздумывал. Взял, да и позвал нашу Хозяйку в жены. А та и согласилась. Мы с Котом, конечно же, повозмущались, но потом решили, что пуцай живут вместе, раз хотят. Может, и правда любят они друг друга. Так он у нас и прижился.

Да и сложно нам было возмущаться, потому как мама хозяйкина, сама Зинаида Захаровна, добро дала. Против нее ведь не попрешь. Она женщина монументальная, авторитетная... Свадьбу тогда хорошую сыграли. Кот тогда опять обиделся, потому что его не пригласили, а вот мы с Халком погуляли на славу.

А! Про Халка забыл написать. Он к нам еще до свадьбы переехал – мы его тоже сразу не особо жаловали. Особенно Кот. Вообще, я заметил, что мы всех, кто на нашу жилплощадь претендовал, не особо радушно встречали. А что? Самим мало. Ни в лапту погонять, ни в городки... Но потом мы и к нему привыкли. Хорошим парнем оказался. Умный, образованный, молчаливый такой доходяга. В общем, понравился он нам.

Вместе с ним мы в дом и переехали. Это Хахаль его купил. Мы его тогда за это аж на целый день уважать стали. Хахаль вообще хорошим оказался мужиком, правильным. Хозяйку не обижает, любит, о Коте с Халком заботится. Руки у него, конечно, не из плеч растут, но зато сердце – большое и доброе. А это самое главное. Он и моим сородичам потом знатно помог.

В общем, стали мы в этом доме жить да поживать. С местными подружился. Леший в лесу живет, за хозяйством следит. Он меня с Кузьмичом познакомил – это лесник местный.

Жил он себе в своем лесном домике, с одними березками только и разговаривал. А потом на Зинаиду Захаровну нашу глаз положил. Или она на него. Да, скорее – она на него. У нее-то глаз потяжелее будет. Так они и поженились. Она к нему в лес переехала, там и живут. В гости к нам часто ходят. Любят друг друга очень. Зинаида Захаровна его в обиду не дает, и он тоже... Себя в обиду не дает. Потому что Зинедина все равно невозможно обидеть. Чревато.

Еще в лесу дед живет с немцами. Под холодильником – Антон, друг наш общий, таракан. Поп в этот же поселок потом переехал, тоже часто у нас гостит... Да много с кем мы подружались за это время. Жить веселее стало, не то, что раньше – скукота.

К чему я все это пишу-то? А к тому, что хорошая у нас семья получилась. Дружная, веселая, большая. А это надо очень постараться, чтобы вот так вышло. Это само собой не дается. А чья это заслуга? Да каждого из нас. Надеюсь, что и я свою маленькую лепту внес. И Кот тоже. А еще мне кажется, что я за все это время все же лучше стал. Добрее, что ли...

А теперь о главном событии напишу. Сегодня Хозяйку нашу с больницы Хахаль привез. Да не одну. Теперь у нас в семье еще на одного человека больше стало. Вот прям сейчас сижу с Котом на подоконнике и смотрю на это чудо. Лежит себе, смотрит на всех, глазами хлопает, удивляется. Еще бы – сегодня все собрались, стоят, смотрят на этого человечка, радуются. Хахаль с Хозяйкой – они теперь мама и папа. Зинаида Захаровна с Кузьмичом – получается, теперь бабушка и дедушка. Поп – он как попом был, так и остался. Стабильный мужик.

Леший пришел с дедом. Дед что-то растрогался совсем. Стоит, а по щекам прям слезы текут... Но его понять можно. Он же свою жизнь отдал за другие жизни. Выходит, что и за вот эту новую жизнь тоже. Но ничего, его Леший поддержит, успокоит. Он с ним рядом стоит. Да и у меня, если честно, ком в горле. Кот тоже делает вид, что в глаз что-то попало...

А на душе светло так, радостно. Хочется всех прям обнять да расцеловать. Но не буду. Напугаются еще. А я ведь теперь пообещал сам себе, что пугать никого в своей семье больше не буду. Буду потихонечку за порядком следить, помогать своим родным чем смогу, а пугать не буду. Хватит уже. Теперь не до этого. Теперь надо о ребенке заботиться, успокаивать, когда страшный сон приснится, сказки на ночь рассказывать, чтоб быстрее сон пришел, да оберегать от всех невзгод. Это я смогу. Это я умею.

А! Самое главное-то я и забыл сказать. Родилась-то девочка! Хахаль с Хозяйкой ее Алисой назвали. Имя, вроде как, и ненашенское, но разве это самое главное? Да нет конечно. Самое главное, чтобы выросла она светлым и добрым человеком. А мы все ей в этом обязательно поможем. Обязательно...

Вот и всё. Несколько строчек свободных осталось. Вся история нашей большой семьи – вот она, на этих страницах. Может, смешная эта история, может, иногда несуразная, но она настоящая и добрая. А это главное. И если бы в мире все семьи такими были, может, и не было бы всякого зла на земле.

На этом я свой дневник и закончу. Сложу все записи в одну кучку да спрячу куда-нибудь подальше. А если и найдет их когда-нибудь человек какой, то не велика беда – все равно никто не поверит, что их настоящий Домовой писал. Нас ведь, вроде как и не существует совсем на этом свете...

Предисловие

Именно на этой странице и закончился дневник одного Домового, но на этом не закончились истории о наших старых знакомых, о существовании которых мы слышали с самого детства. Все мы помним народные сказки, читая и слушая которые, мы узнавали о таких существах, как Леший, Водяной, Русалка, и многих-многих других. Мы росли, и эти персонажи становились все расплывчатее и туманнее, оставаясь там, где-то далеко – в нашем детстве. Там, где мы верили в них и не сомневались в их реальности.

Время идет, мы меняемся, взрослеем. В наших душах остается все меньше места для чуда, для сказки и волшебства. Наши мысли заняты уже совсем другими проблемами и вопросами, которые нужно решить сегодня, сейчас. Современный мир накладывает отпечаток на каждого из нас. Мы становимся жестче, агрессивнее и равнодушнее друг к другу. Мы постоянно бежим куда-то в погоне за какими-то сомнительными ценностями. А ведь персонажи из сказок учили нас совсем не этому.

Да, сложно сейчас представить человека, который вечером возьмет с полки в руки потрепанный сборник сказок и станет их перечитывать. Это занятие вряд ли покажется ему интересным, ведь каждый из нас помнит эти сюжеты практически наизусть. Но, согласитесь, в душе-то все равно начинает загораться теплый огонек, когда мы вспоминаем об этих добрых и не очень существах, о которых мы знаем так много и, с другой стороны, так мало.

Книга, которую вы держите в руках, как раз и создана для того, чтобы вновь, хотя бы ненадолго погрузить вас в тот мир добра, искренности и теплоты воспоминаний из детства. В ней собраны лучшие рассказы современных авторов, объединенных одной тематикой – славянской мифологией. В книге вы снова встретитесь со Змеем Горынычем, Домовым, Кощеєм и другими персонажами русских народных сказок. Но эти сказки другие – в них вы сможете взглянуть на старых знакомых сквозь призму современной реальности, увидеть, какими бы они могли быть, если бы сказки писались сегодня.

Я очень надеюсь, что эта книга сможет выполнить свою главную цель – она снова разбудит интерес к нашему славянскому фольклору. Ведь наша культура необычайно богата и интересна, каждый персонаж – глубок и по-своему мудр. Мне бы очень хотелось, чтобы книга принесла вам максимальное количество положительных эмоций. Надеюсь, что так и будет.

Приятного чтения!

С уважением, Евгений ЧеширКо

Наталия Алексеева

Жених

Я прикрепила и бережно расправила кусок бересты на бревенчатой стене горницы:

*«Ежели кто жаждет удивиться,
пущай приходит вечер на гнилую поляну!
Домовой Сидор будет баять вириши самоличного сочинения.
Шибко он на это горазд».*

Сидор сидел на лавке и руководил, чтоб зазря под ногами не путаться.

– Хорошая ты девчонка, – довольно протянул он, – хоть и ведьма.

Ёшкины метёлки, что ты будешь делать! Опять он за своё.

– Сидор, – я медленно повернулась к нему, уперев руки в бока, – ежели ты ещё раз назовёшь меня ведьмой...

– Понял, понял, – замахал ручонками домовый, – волшебница что ни на есть, настоящая!

– А идите-ка вы оба к едрене-фене, давненько оне на улице томятся, – вмешалась бабуля. Она просыпала на пол сушёные мышиные головы, которые собиралась бросить в котёл, и наша перебранка вывела её из душевного равновесия.

Я подхватила Сидора под мышку и выскочила во двор. Едреня с Феней нам так обрадовались, что чуть надвое не распались. Едреня протянул нам правую руку, а Феня – левую, потому что у них руки общие, а головы разные. Мы поздоровались и отправились на гнилую поляну – репетировать.

К вечеру на поляне собрались все желающие приобщиться к прекрасному. Тут были:

*Кикимора болотная,
Печаль тошнотная,
Дрёма дремотная,
Тоска зелёная,
Ворвань солёная,
Леший лесной,
И водяной,
И русалки речные,
Все из себя такие.
И болотник с болота,
И другие, кому охота.*

Слушатели разместились вокруг огромного выворотня. Я посадила Сидора на комель и, шепнув: «Не тушуйся», ободряюще похлопала по бурой шёрстке.

Домовой развернул свиток, собираясь начать чтение. Но тут, просвистев пронзительно, как разбойник с большой дороги, в комель вонзилась стрела. Аккурат железным наконечником у лапок Сидора.

Увидев проклятое железо в опасной для себя близости, домовый потерял здоровый румянец, протянул ко мне руки и прошептал: «Вот и первые критики». Я подхватила Сидора, а он, в свою очередь, прикинулся веником, потому что вслед за стрелой появился на поляне молодой витязь. Остальные обитатели Заморочья оборотились, кто кустом, кто кочкой, кто пнём,

а Едреня с Феней – березой раздвоенной. Одна только я стояла посередь зелёной полянки с веником в руках.

Незванный пришелец осмотрел меня критически и пробурчал под нос: «Сойдет». Сорвал с головы шапку и ткнулся носом до земли, что твой журавль колодезный. Поднялся, нацепил шапку на русые вихры и, подбоченясь, сказал:

– Я – сын князя славного Ишьгорода, Гордей Вышевич. Здрава будь, девица красная.

Я не растерялась, обняла веник покрепче и ответила:

– И тебе снадобья лечебные не глотать! Пошто стрелами калёными, не метясь, бросаешься?

– По повелению батюшки – великого князя Выша Крышевича. Подбираю себе таким путём суженую. Могу взять расширенную, могу и соразмерную, ежели по сердцу придётся. Посему, идём со мной, женой законною.

– Неужто полюбила с первого пригляду?

Смешной какой – жену выбирать, пуляя куда ни попадя. Так и покалечить недолго. А потом скорбят: то криворукая попалась, то криворожая. А ты смотрел, куда стрелял из оружия холодного? То-то, потом не жалуйся.

– Не особо, – отвечал молодец, – тоща больно да глазом блудлива. Но я с заутренней по лесу бегаю, притомился шибко.

Обидно мне стало маленько и решила я позабавиться. Примостилась на лесном дядьке, пнём оборотившемся, и говорю:

– А не желаешь ли на моих подруг поглядеть? Уж какие они раскрасавицы!

– Отчего ж не примериться. Где они, твои подруженьки?

Оживился молодец, ровно петух в курятнике. Я прыснула – видом-то женишок и впрямь на курячьего короля смахивает: сапоги красные, шапка красная, сам надулся от гордости, того и гляди лопнет али закукарекает.

– Погоди, скликаю. Только, чур, уговор – в хоровод ни ногой! Совладаешь, не сунешься?

– Что, я девок не видал? – хмыкнул молодец.

Соскочила я с лесного дядьки, обежала вокруг выворотня. Где ступала, там в каждом следочке по грибочку выросло. Ровнёхонькое кольцо получилось.

Я принялась аукаться, а сама тем временем отвела добру молодцу глаза, чтоб истинный облик подруженек моих, русалок, не разглядел.

Вышли на поляну девицы – одна краше другой. Брови дугой, губы пряные, щеки румяные. А уж косы блестящие – королевшины настоящие! Сам заморский колдун Хаадан Шелдарс обзавидуется.

Пустились они хоровод кружить. Плечами поводят, на витязя призывно поглядывают, песни сладкие поют. Каждая счастье и блаженство неземное сулит.

Смотрю я на молодца, а он сам не свой – губами прищёпывает, по коленям похлопывает, того и гляди в ведьмин круг кинется.

– А ну стой, где стоишь, Гордей Вышевич, – говорю, – обещался к девкам не соваться.

– Отвяжись, – махнул рукой княжич, – как я погляжу, шибко ты завистлива. Хорошо, что с собой тебя не увёл – ревнивая жена, что жернов мельничный на мужниных ногах.

Лук со стрелами бросил да и побежал в хоровод. Русалочки обрадовались, потянулись к молодцу. Руками обвивают, в глаза заглядывают, в губы целуют. Вот-вот щекотать да щипать станут – живым не вырвется. Знаю я их!

А княжич стоит счастливый, думает он – лис в курятнике, а на деле – муха на росянке.

– Дурень, – кричу. – Выбирайся из круга, пока цел!

– Зависть – плохое чувство, – отвечает.

А сам то одну обнимет, то другую к сердцу прижмёт.

– Обещался в хоровод не ходить. Княжий сын слову своему не хозяин?

– Погоди, надоеда! Не натешился! Выберу лучшую и ворочусь.

– Нету тут её!

Бегаю я вокруг ведьмина кольца, сама себя укоряю. Что наделала! Позабавиться хотела, а нечисти озёрной на съедение душу живую своими рученьками отдала. А княжич посередь девиц, что медведь в малиннике – уходить не торопится. Да уж и не выпустят его подружки мои, красавицы.

Хлопнула я себя по лбу. Право слово, красавицы! Пущай женишок глянет на их природную красоту, мигом за круг выскочит. Скинула я морок с глаз молодецких, королевич аж присел. Смотрит, а вокруг лица блёклые, руки мокрые, платья пёстрые да зубки острые.

Заметался Гордей, но русалочья хватка крепче силков держит.

Чем молодцу помочь? Положила я веник на травку и схватила стрелу из колчана, княжичем брошенного. Взялась за оперенье и протянула железным наконечником вперёд, ему навстречу. Расступились девицы речные – кому ж охота печать Сварожича получить! Уцепился Гордей за наконечник, так и выбрался.

Упал на травку, еле отдышался. Отполз в сторонку, сел и зубами стучит, будто только из оута вынырнул.

– Неужто у вас в Ишьгороде девки страшнее тутошних, ежели за женой тебя батя в лес спровадил?

– А они ещё там? – спрашивает. Оглянуться боязно, вдруг за спиной ждут невесты наречённые. Скольким он жениться-то пообещался, куда красотками казались?

– Нет, – говорю, – сгинули. Не по сердцу им, когда женихи железякой размахивают.

Приосанился Гордей, приободрился.

– Есть, – отвечает, – в Ишьгороде девки красивые. Маланья, к примеру, нашего ключаря дочь. Не чета тебе и подругам твоим.

Ёшкины метёлки! Пришёл в себя молодец – грубит сызнова.

– Ты, Гордей Вышевич, не зарекайся. Хочешь покажу тебе, кто ещё с нами на полянке вечерок коротает? Может, без раздумий и женишься.

– Да ты ведьма! – прозрел молодец.

Ух как не люблю, когда меня ведьмою кличут! На счастье княжича, Едрене с Феней наскучило берёзою стоять, они на полянку-то и выбрались.

Побледнел Гордей. Сгрёб в охапку лук, колчан и шапку и припустил вон из лесу.

– Куды он? – Феня приложил козырьком ладонь к Едрениной голове, высматривая пропавшего витязя. – Весело было...

Тут и остальные зрители Заморочинские проявились. Только русалки как сгинули, так больше и не показывались – обиделись, что молодец от них спровадила.

Да Сидор на меня крепко осерчал, что творческий вечер сорвала. Говорит, надо было сразу княжича Горынычу скормить, чтоб под ногами не путался. Третий день со мной не разговаривает, стоит в углу и веником прикидывается.

Наталия Алексеева

Письмо

– Олеська, спать пора! – бабка грозно постучала в дверь. – Кончай zenки в книгу пялить, а то завтра аки русалка подмороженная будешь ползать.

Я вздохнула – грубиянка всё-таки моя бабушка. С сожалением закрыла книгу, провела любовно кончиками пальцев по золотому тиснению: «С. Гэмджи. *Жизнеописание народов Средиземья*. Перевод М. Буслаева». Вот почему у нас ничего героического не происходит? Ни тебе драконов в золотых пещерах, ни армии гномов, ни королей в изгнании.

Я потянулась и постучала по трубе, прося печь сделать потише – очень уж сегодня душно. Погасила свет и растянулась на хрусткой простыне – хорошо!

– Кх-кх! – неделикатное покашливание в темноте.

Я дёрнула одеяло до подбородка, хотя домовому-то фиолетово, одета я, или нет.

– Сидор, ну чего тебе опять?

– Сонет сочинил. Тебе первой поведаю, сударушка.

– А не надобно ль тебе по своим делам? – очень уж не хотелось мне слушать очередные вирши. – Корову подоить, полы подмести, ну или что там ещё домовые должны?

– Никому я ничего не должен, – пробурчал Сидор. – Тем паче у двух ведьм на попечении.

– Но-но, полегче! – от возмущения сон как рукой сняло, и я подскочила в кровати, злобно шипя в темноту. – Бабка может и ведьма, а меня либо волшебницей зови, либо вообще никак!

– То, что ты во ВШИВо учишься на заочном, не делает тебя волшебницей, – съязвил Сидор. – Диплом получи вначале, потом указывай.

Я разозлилась:

– Получу, не сомневайся. И свалю из этой глуши. От вас подальше.

– Ага, – голос домового задрожал. – Вот завтра и начнёшь, ежели справишься.

– Никак письмо пришло? – удивилась я.

– Не ведаю, – буркнул Сидор. – Банник говорит, Гусей-Лебедей видал на почте.

Мы помолчали. Было слышно, как Сидор шуршит в темноте бумагами.

– Будешь сонет слушать? – сделал ещё одну попытку домовый.

– Нет, Сидор, извини.

– Как пожелаете, юная волшебница, – обиделся он и, прежде чем исчезнуть, бросил: – Яга урождённая.

Язва всё-таки наш домовый, хоть и поэт. Эх, Сидор! Нечисть какая, весь сон сбил! Крикнуть, что ли, Ваське, чтоб Баюн ко мне заглянул. Нет, не буду бабулю беспокоить. Ей ещё на печи устраиваться, нос в потолок втыкать, ногу костяную поперёк избы протягивать.

Когда я спустилась утром в горницу, бабули не было. Придётся самой хозяйничать, негоже харчевне без снеди простаивать. Я расстелила на большом столе скатерть-самобранку и зачитала сегодняшнее меню. Скатерть даже не поморщилась. Я наклонилась ниже и громко повторила заказ. Проклятая салфетка не реагировала. То ли меня не признаёт, к бабуле привыкши, то ли поизносились совсем.

– На тряпки пуцу, – пригрозила я.

Через мгновение на столе оказался огромный горшок пшенки.

– И то хлеб! – вздохнула я, и сейчас же рядом с горшком появился каравай белого хлеба.

Тёплый дух свежей выпечки поплыл по горнице.

– То-то же, ветошь несчастная!

Цветочные узоры по краю скатерти сложились в слово: «Хамка». Я усмехнулась – волшебная утварь, а туда же – ругается.

Вдруг у меня за спиной с грохотом распахнулась дверь. На пороге стоял богатырь. Он стянул шлем с копны невытых, нестриженных волос и пробасил:

– Здрава будь, Олесенька.

Я пригляделась:

– Дядя Добрыня! Вернулся! – повисла на нём, и мы трижды расцеловались в обе щеки.

– Ополоснуться б мне с дороги, – сказал Добрыня, усаживаясь за стол и подвигая к себе горшок с кашей. – Негоже пред князем аки чумичка являться.

В подполе гневно хлопнул крышкой Сидор. Ишь ты, «чумичка» ему не понравился. А не подслушивай!

– Сейчас, дядя Добрыня, баню истоплю.

– Принесла б ты, дочка, – облизывая ложку, сказал Добрыня, – капустки квашеной. Дюже у Яги капуста знатная.

– Бегу, дядя Добрыня! – я схватила миску и потянула кольцо на двери в подпол, открыла и уже на нижних ступеньках услышала:

– И грибков прихвати! И огурчиков солёных!

В подполе темно и холодно. Я зажгла ведьмин огонь и в его голубоватом свечении увидела домового, который, примостившись на краю бочки, поедал капусту.

– Опять ты за своё, Сидор, – укорила я его, – кризис жанра?

– Я бездарность, – простонал домовый. Капуста длинными нитями свисала с его усов, и сок орошал густой мех на груди.

– Да брось ты, – я осторожно обошла компашку мелких упырей, развалившихся прямо на земляном полу, – тебе надо встряхнуться, развеяться.

Сидор испустил горестный вздох и захрустел капустой.

Меня вдруг осенило:

– Тебе надо устроить творческий вечер!

Домовой перестал жевать и уставился на меня жёлтыми глазами.

– Ты подготовишь свои лучшие творения, позовём русалок из лесу – они поэзию любят. Я приду, бабуля...

Договорить я не успела, потому что Сидор бросился на меня с прытью разъярённой кошки.

– Да не благодари, – я с трудом оторвала от себя цепкие ручки домового, едва успевая уворачиваться от его поцелуев.

Вот никому не пожелаю лобзаний с домовым, измазанным соком кислой капусты!

Уже поднимаясь, я вспомнила:

– Сидор, ты не знаешь, где бабушка?

– На почту ушла, – бросил домовый. Он достал свиток, гусиное перо и увлечённо крапал очередные стихи.

Надо бы ему «вечное» перо подарить, а то у него постоянные конфликты с гусями-лебедями. Они из-за этого к нам на двор не летят, приходится на почту самим ходить.

– Благодарствую, – сказал Добрыня, размашисто утирая усы, – Бабушке поклонись. Где она?

– На почту ушла.

– Плохо дело, – нахмурился Добрыня, – у меня один товарищ на печке, тьфу, Велесовы усы мне в бок, оговорился! Товарищ на почте тридцать лет и три года просидел.

Хорошо, что постояльцев сейчас мало – упырь чужеземный, так он раньше вечерней зари в люди не выходит, да Лихо, а его, как известно, будить совсем не следует.

Посему я решила приготовить обед.

Открыв дверь в кладовую, я увидела пацанёнка. Он сидел на полу, дожёвывал вяленый окорок и беспечно играл золотым яблоком. Во бабуля даёт! Уж, почитай, лет триста как мяса не ест, а по старой привычке так и норовит ребёночка, без присмотра брошенного, домой притащить.

– Чужое брать негоже, – строго произнесла я и, забрав драгоценный фрукт, положила в карман. – Кыш отсюда, ёшкины метёлки!

Мальчишечка зыркнул исподлобья, сунул недоеденный окорок под мышку и поплёлся за мной в горницу.

Покуда я стряпала, вернулся Добрыня. Распаренный и сомлевший, опростал жбан квасу и потребовал добавки.

Холодный, запотевший глиняный кувшин ненароком выскользнул из моих рук и разбился на тьму-тьмушую осколков.

– Чтой-то ты, дочка, сама не своя, – посочувствовал богатырь. – Али приключилось что?

– Весточку я жду, дядя Добрыня, – пожаловалась я, глядя, как маленькие коргоруши, похожие на чёрных кошек, хвостами заматают черепки. – Ни о чем думать не могу, всё из рук валится. А можно я с тобой на почту поеду? Да и мальчонку гусям-лебедям сдать надобно. Пушай возвернут его нерадивым родителям.

Мальчонка, собравшийся стащить мочёное яблоко, услышав о себе, так и замер с протянутой рукой.

– Пошто нет? Бешеной собаке семь вёрст не крюк.

Возле почты собралась добрая половина обитателей Заморочного леса. Леший, Боровик, пара русалок с Мёртвого озера, Болотник с Непутёвых болот, тётки Лихорадки. Всех и не перечислишь. Даже домовый из города приволокся, хотя у них своё отделение имеется.

– Мир вам, добрые лю... – начал было Добрыня, но осёкся и глянул на меня через плечо. – Давай-ка ты, дочка. Несподручно мне.

Я слезла с лошади, сняла мальчонку и, найдя в толпе бабушку, пробралась к ней.

– С утренней зорьки стою, – пожаловалась бабуля, – а они, нечисть этакая, не открывают, корреспонденцию не выдают!

– Ты из-за моего письма тут? – растрогалась я.

– Заказала я у Али Бабы заморской снадобье чудодейное, из плавника левиафана сотворённое, а как забирать, так и твое письмецо подоспело, – пояснила бабушка, – дай думаю, обоих зайцев разом поймаю. Ан нет, – она погрозила кулаком в сторону почты, – не дают!

– Я туточки седьмую зорьку встречаю, – вмешался Верлиока, внимательно слушавший нашу беседу. Он покосился своим единственным глазом на мальчонку и тот проворно шмыгнул мне за спину.

– Какое там, – проскрипел лесной дядька, которого я, обознавшись, приняла за мшистый пенёк, – полных две луны с места не схожу!

Мальчонка со страху вцепился мне в юбку, да так, что чуть не осрамил, едва не стянувши. Я взяла его за руку и подвела к богатырю: «Дядя Добрыня, присмотри». И решительно направилась к почте.

Ступени в землянку деревянные и скользкие, а дверь заперта. Нас этим не испугаешь! Даром ли я в волшебной школе обучаюсь? Простенькое заклятие приоткрыло дверь. Я протиснулась внутрь. Бр-р! Как темно и холодно! А по земляным стенам бледная плесень-паутина чуть светится.

– Пошто от дела лытаешь? – грозно сдвинув брови, спросила я залежного покойника.

– Не велено, – мертвяк пожал острыми плечами и вытянул бледные тощие руки на столе. Рядом громоздилась гора свитков. На полу запечатанные коробки и туески.

– Кем?

Покойник молча указал пальцем в пол.

– Блюдце есть? – спросила я.

– Аккуратнее, – он вытащил из-под стола золотую тарелку, – личное.

Золотое яблоко катилось ровно, изображение было чёткое: Чернобог смотрел на меня из-под кустистых бровей и усы его недобро топорщились.

Из землянки я выбралась, озадаченно почёсывая затылок.

– Ну что там? – кинулись ко мне обитатели леса.

– С самим говорила, – ответила я, пряча в карман золотое яблоко. – Жертву требует.

Глаза лесной нечисти оборотились в сторону богатыря с мальчишкой. Кто-то утёр слюни и плотоядно причмокнул.

Богатырь положил ладонь на рукоять меча и заслонил собою мальчонку.

– Но-но, – крикнула я, – никакого произвола!

– Ты, Олеся, слова умные знаешь, – Верлиока шагнул ко мне, опираясь на суковатую палку, – рассуди, что нам делать, коли без жертвы не можно?

Я осмотрела толпу передо мной. Народ у нас в Заморочье хороший. Неживой, но хороший. Без нужды души не загубят.

– Думай, Олеся. Ежели ничего путного не решишь, не обессудь – мальчонку заберём. Испокон веков и не нами, так заведено.

Я лихорадочно соображала. И только через мгновение поняла, что одна из тёток-лихорадок стоит у меня за спиной. Ёшкины метёлки! Подумать спокойно не дадут.

Нечисть речная, лесная, болотная глядела на меня в ожидании. Гуси-лебеди паслись неподалёку.

Тут взгляд мой упал на птицу Феникс, которая неторопливо ковыряла когтистой лапой землю. Чисто курица!

– Пуцай Феникс принесёт себя в жертву, – воскликнула я, – всё одно из пепла возродится.

Верлиока одобрительно крякнул.

Феникс пыталась отнекиваться, дескать у неё опосля самосожжения голова болит и память теряется, но всем миром уговорили. Во имя общего дела, пообещав пропустить без очереди.

На жертвенном валуне, аккурат посередь священного круга, расправив крылья и гордо подняв голову, Феникс замерла. Яркие искорки побежали по оперению. По крыльям, по кончику великолепного хвоста замелькали, заструились огненные змейки. Их становилось всё больше, всё ярче разгоралось золотое сияние. И вот уже вся она, охваченная пламенем, скрылась. Многие закрыли глаза, а кое-кто, заскулив, отвернулся – непереносим такой свет для нашей братии.

Огненный столб взметнулся выше ели, туда до этого только крылатые качели долетали, и разом погас, оставив горсть серого пепла на камне.

За нашими спинами раздался зловещий скрип открываемой двери. Все оглянулись и бросились получать посылки и письма, согласно занятой очереди.

Я подошла к камню и легонько подула на верхушку пепельной пирамиды. Из неё показалась крошечная головка неоперившегося птенца. Малыш раскидал пепел, отряхнулся и на моих глазах начал обрастать перьями. И вот уже на камне восседала не какая-то там курица, а Феникс. Она поглядела на меня золотым глазом и спросила:

– Как пройти в библиотеку?

Да, с памятью и впрямь проблемы.

Я смотрела, как стая гусей поднимается над лесом, унося на сильных крыльях ребёнка.

– Прощай, Иванушка! – помахала я рукой небесам.

– Николкой его кличут, Василия сынок, – бабуля подошла ко мне сзади. – Я его вчера погостить к нам позвала, да сказать тебе запомнила.

Мы простились с Добрыней, погрузились в бабулину ступу и отправились домой.

Вечер опустил на землю дымчатое покрывало, дуб шелестел листвою. Домовой Сидор с дворовым Фёдором встречали закат на завалинке.

– Получила своё письмо? – окликнул меня Сидор.

Ёшкины метёлки! Как я могла забыть!

Бережно сжимая свиток, я поднялась к себе на чердак, уселась на лежанку, привалилась спиной к тёплой печной трубе и развернула письмо из Высшей Школы Искусства Волшебства. Да, это было моё первое практическое задание. И его надо выполнить.

Но я подумаю об этом завтра. Если наступит завтра. Завтра не умрёт никогда. Ёшкины метёлки! Что-то острое уткнулось мне в бок. Я пошарила и вытащила из-под одеяла книгу *«Мировое чтиво. Сборник сказаний окаянных чужеземцев»*. Опять кот Васька без спросу читал – никак в учёные метит!

Надежда Башлыкова Феофан

Ему совершенно очевидно было скучно.

Хозяйка давно уже не держала скот. Ухаживать, смотреть не поранились ли животные, не подбирается ли из угла лихого – ничего этого уже не требовалось.

Сено косилось только лишь для удобства хождения. И присматривать за ним не нужно было. Но он по давней привычке всё равно поглядывал на небо. И если замечал черноту, бежал в избу, чтобы незаметно пихнуть хозяйку в бок.

– Ох-хо-хо! Какая туча-то накликалась. Пойду-ка сено собираю. Не замочило б.

Да, ему определённо было очень, очень скучно.

Когда в доме появился ребёнок, он пошёл в свой родной угол и заплакал. От счастья. Ведь теперь ему точно будет чем заняться. Дети – они такие. За ними глаз да глаз. Лес-то совсем близко к дому подходит. Он хорошо помнил, какого труда ему стоило вывести хозяйку, когда она по босоной глупости заплутала в чаще. Как потом он ходил с пирогами к местному лешему: «Прими в дар за то, что отпустил». Да и речка недалеко. Но это уже позже, позже, сперва дорастить малька надо. До речки-то.

Малёк оказался девочкой.

Первый раз заглянув в её кроватку, он понял, что никогда и никому не позволит её обидеть. Будет ходить по пятам, присматривая, оберегая.

Ребёнок посмотрел на него и улыбнулся.

Он даже оглянулся через плечо, не подошёл ли кто? Но никого не было.

Так он и думал.хлопот с Мальком было много. Даже с избытком.

Девчонка росла юркой, любопытной, вечно сующей нос куда ни попадя. Только и успевай поворачивай.

Велосипед он ненавидел лютой ненавистью. Специально проколол камеру, чтоб не ездила. Малёк так рыдала, что его самого затошнило от раскаянья. Но смотреть на неё, катающуюся то без рук, то стоя на раме, была мука мучная. Охо-хонюшки!

А деревья? Ну разве дело девчонке лазить по деревьям? Да ещё ходить по веткам над пропастью. Тьфу! Пропать! Вот же раньше у девиц развлечения были. Любо-дорого. На пальцах повышивать или там пряжу пряхти. Удовольствие, одно удовольствие, а не присмотр. А нонче и не поймёшь, то ли пацан, то ли девка.

Зато теперь он так уставал, что не нужно было вытягивать сон силком из подстилки. Сладко тянули уставшие от долгого беганья ноги, и улыбка сама собой возникала на лице.

Но однажды летним днём, который он запомнит навсегда, случилось непоправимое. А ведь начиналось все очень невинно – от этого у него всегда холодело внутри. Не углядел... Не смог распознать... Охо-хонюшки...

Сильно парило. Надвигалась гроза, это он знал точно. Не знал только когда. Поэтому бегал туда-сюда. Из дома в огород и обратно. Смотрел за сеном. А вот Малёк осталась без присмотра.

Как он потом перебирал всё в уме. Как казнил себя... а толку-то? Вот если бы не гроза... Вот если бы он послал к лешему это сено... Вот если бы не соседская девчонка.

Но всё случилось, как случилось.

И гроза собиралась. И сено присматривалось. И девчонка соседская зашла за Мальком.

Пруд был недалеко. Он думал, что недалеко. Оказалось – вечность. Соседский домовый подсказал, пошли, мол, с час как уже.

Недоглядел, старая развалина. Бежать изо всех ног, не опоздать бы.

Они плыли уже на середине пруда. Он бежал и отчётливо видел, уходят под воду, но ещё барахтаются и плывут.

Зелёный хвост мелькнул и пропал.

Ундина! Вот кто ему нужен.

Запыхавшись, перемежая слова всхлипами, он всё же сказал:

– Вода, вода, иди сюда!

Ундина недовольно вынырнула. На зов она обязана была появляться. Но как же ей не хотелось. Две девчонки ей бы ух как подошли. В услужение.

– Помоги... Моя воспитанница тонет.

– Ну не зна-а-аю, не зна-а-аю... Плата?

Он почувствовал, как руки холодеют. Плата – это серьёзнее некуда. С платой шутки плохи.

Не в силах сказать, он кивнул. Соглашаясь.

Ундина звонко рассмеялась и, красиво изогнувшись, ушла под воду.

Девочки плыли изо всех сил. Но сил становилось меньше и меньше. А отчаянья все больше и больше. Они уже плакали, потому что понимали – похоже, им не доплыть. Макушки всё чаще оказывались под водой. И в очередной раз скрывшись, не появились...

А появились обе девочки, жалкие, мокрые, кашляющие и выплевывающие воду. Воды им было примерно по пояс. Хотя вчера здесь было глубже не придумать. Чудеса. Отплевавшись, они стали смеяться. Повезло!

Он сидел около пруда на бугре. Смотрел на Малька, а в голове было пусто.

Всплеск... Ундина появилась над водой. Всем своим видом она излучала довольство.

– Моя часть выполнена, а плату с тебя я возьму позже. Смотри не забудь...

Он брёл за девочками домой и уговаривал себя, что всё хорошо, что главное – Малёк с ним. Но вспоминалась довольная Ундина, и на душе противно скребло.

Жизнь потихонечку устаканилась, утряслась. Происшествие почти забылось. Вернее, он затолкал его в самый тёмный чулан души. Хотя иногда, особенно перед сном, из этого чуланчика выползало данное Ундине обещание. Выползало мерзким чудовищем, и царапалось, и тянуло из него силы. Тогда он ворочался с боку на бок, сон не шёл.

Малёк подрастала, вытягивалась. Из девочки уже проглядывала девушка. Ещё по-подростковому неуклюжая, но он-то видел – красавица растёт. С одной стороны, он этому радовался, а с другой – не очень. Скоро начнутся страдания душевные. Слёзы ночью в подушку. Или вообще чё похуже. О-хо-хо!

Утешало его только одно. Любовь Малька к лесу. Вот там он был за неё спокоен. С лешим-то он тогда, после пирогов, задружился знатно. Не разлей вода теперь. И за советом, и просто так – в гости посидеть. В лесу за Мальком всегда присмотрят, направят, выведут. Но пока и не надо было. Она сама каким-то пятым чувством находила нужное направление, даже если забредала далече. А уж грибов-то насобирает – еле тащит. Любил, любил её лес. А она любила его. Светлый березняк, стройный орешник, тёмный ельник.

Малёк – по грибы, а он, если не было срочных дел, – к лешему на разговоры да на моховый чаек. Ох и хорош чаёк был у лешего.

Сядут, бывалучи, около избы, чайку нальют и разговоры задушевные ведут. Леший – всё про птиц да зверей, кто когда прилетел, не опоздали ли, всем ли хватило места. А он – про хозяйство да про хозяйку свою, а потом уж и про Малька. Самое интересное-то в конце сказывается.

– Ты эта, плату-то тебе назначили?

А теперь вот какие разговоры всплывают. Всё чаще и чаще. О-хо-хо!

Что он мог ответить? Нет, молчит Ундина. Как в рот воды набрала. А если спрашивать – смеётся заливисто и уплывает.

Всему своё время – так уж он теперь-то решил. А ждать – самое тяжкое.

Он сидел на крутояре у реки и смотрел вниз на плещущихся девчат. Они плавали, ныряли, гонялись друг за другом и брызгались, хохотали.

Вот и дорастил он Малька до речки. И даже больше. Вот и вылетит скоро птенец из гнезда, из-под уютного крылышка. Это пугало. От этого тоскливо щемило на сердце. Она же не справится без него. Пропадёт. Нет. Пропадёт – это, конечно, вряд ли. Вон какая умница выросла. Любо-дорого. А вот он без неё пропадёт. Это точно.

Он уже тосковал заранее. Чтобы привыкнуть.

В камышах раздался мелодичный смех, и его сердце рухнуло куда-то вниз. Он стал пробираться к реке.

– Плата. Назначена плата. Ты должен покинуть свой дом.

– Но я же... Как же так? Хозяйка совсем старая, она пропадёт. Да и Малёк... Они как же без меня?

– Нас это не касается...

– Я не уйду!

Ундина рассмеялась и, нырнув, скрылась из виду.

Он стоял и смотрел на то место, где она только что была, не в силах отвести взгляд, как под гипнозом. До сознания постепенно, медленно доходило, что вокруг что-то происходит. Какая-то возня, крики. Он посмотрел в сторону. Девочки ныряли и выныривали. Но как-то не так, не так, как раньше. Малька не было.

Он заметался по берегу, что он мог сделать? Опять звать Ундину? Не придёт – не поможет. Время уходило, как вода сквозь песок.

Опять раздался смех, и он метнулся на этот звук с такой резвостью, которой сам от себя не ожидал.

– Предупреждение. Плата – уход. Иначе мы возьмём другую плату!

Малёк вынырнула, кашляя и отплёвываясь, побрела к берегу, рухнула без сил. Он слышал, как она сказала трясущимся вокруг неё девчонкам про какой-то водоворот, который тянул и тянул её вниз, а потом пропал, и она выплыла. Смогла выплыть. Конечно, водоворот, конечно. Он кивал и кивал. Водоворот был бы лучше. Добрее.

В ту ночь он никак не мог заснуть. Мысленно собирал вещи, завершал дела. Да разве можно их доделать навсегда-то? Прощался с хозяйкой. С Мальком... И начинал заново и заново по кругу. Он думал, что завтра с утра напоследок надо починить крышу, прямо над ним, а то дождь попадает на подстилку. И поэтому так мокро и неудобно спать. Но он ошибался, на улице не было никакого дождя.

– Послежу за ними маленько-то. Но сам понимаешь, своё хозяйство есть, свои заботы. Ты куда подашься-то?

– Пока к Лешему, а там поглядим...

Соседский домовый только рукой махнул, что уж теперь говорить-то, и пошёл к себе. А он, взвалив перевязанный тюк, двинулся прочь от деревни в сторону леса. О-хо-хонюшки-хо-хо.

Малёк влюбилась. Такую весть донесли ему самой первой. От неожиданности он выронил и разбил чашку. Очень хотелось, чтобы к счастью.

Первый порыв был – бежать и смотреть, кто он? Приличный ли жених? Не удумал ли худого против Малька? Остановил Леший – нельзя тебе. И как отрезало. Нельзя, иначе не случилось бы чего и похуже. Лучше б вообще не знать вестей оттуда. И вестей больше не посылали.

А он начал хворать. Измучился совсем с ним Леший. И травками поил, и кореньями обкладывал. Все свои знания на него извёл. Не помогало ничего.

Это случилось под зиму. Осень уже передавала свои права. Стыла первыми комьями земля. Схватывались тонким белым льдом ручьи.

Лешему ещё немного и надо было спать-засыпать. И что он раньше не лёг? Не пришлось бы рассказывать дурных вестей.

Хозяйки больше не было в этом мире. Она слегла почти сразу же вслед за его уходом. Сначала болела. Сильно и долго. А потом... Хоронили её в стылую неприветливую землю. Малёк надрывала душу молча, без плача. Так ему передали.

А потом и вовсе собрала вещи, закрыла дом и уехала в город. И больше ни разу не приезжала.

Сошёл снег, и солнце начинало греть землю. Греть всерьёз. До первой головокружительной травы, до жёлтых цветов мать-и-мачехи.

Перед старым, покосившимся домом стояла Малёк. Она смотрела на него и в носу непривычно щипало.

– Мам, почему ты плачешь? – смешной, конопатый мальчуган дёрнул её за пальто.

– От солнца, дорогой.

Она взяла его за руку и двинулась по тропинке к дому.

Леший, как проснулся, сразу побежал смотреть на друга. Тот лежал бледный, осунувшийся. Ни просыпающаяся жизнь леса, ни солнце – его не интересовали. О-хо-хо. Вот же пень-заболотский.

В то утро Леший принёс ему чай, как обычно открыл дверь, поставил на стол. Сразу и не понял, что что-то изменилось.

Постель опустела. Он кинулся на заднее крыльцо. На крыльце сидел Феофан, шурился на солнце и улыбался.

– Хорошо-то как, весной...

Лешего не удержали ноги, и он осел рядом.

Новый дом был почти готов. Он стоял позади старого, возвышаясь над ним, споря красотой, осанистостью. И, конечно, побеждая.

Она всё время смотрела за стройкой, руководила, направляла, советовала. А неугомонный Ванька крутился рядом. Интересовался и любопытничал.

Дом был почти готов, и всё же она каждый раз, подходя, ловила себя на мысли, что в нём чего-то не достаёт, чего-то очень существенного. Самого-самого главного.

– Мама-а-а, а что в сундуке в старом доме? Сокровища, да?

Она рассмеялась. Взъерошила его светлые волосы.

– Ну пойдём посмотрим. Неугомон!

Она открыла сундук, и из него посмотрело детство. Тетрадки первого класса, грамоты, поделки. Она перебирала, вспоминая. Не может быть! Как она могла забыть? На столько лет. Оставить и уехать.

Рука наткнулась на что-то мягкое. Тряпка? Плед? Она потянула, и на свет появилась подстилка, сшитая из разноцветных лоскутков. Маленькое одеяло. Малёк разгладила его на коленях, пробежалась пальцами по стежкам и посмотрела в угол. Потом решительно встала и пошла к новому дому. Там, открыв чулан, постелила плед в угол, похлопала по нему ладонью.

– Вернись... Вернись, я тебя очень жду!

Сидевший на крыльце Феофан улыбнулся и, потянувшись до хруста в старых костях, встал – пошёл собирать вещи.

Алексей Бобышев

Особенности ловли русалок в средней полосе

Машина нервно тряслась на рытвинах проселочной дороги. Дождик, зарядивший накрапывать, еще когда Сергей закидывал корзины с собранными грибами в багажник, уже прекратился, однако небо было затянуто серыми непроглядными тучами. Дорога шла через лес, монотонно сменяли друг друга сосны, ели, березы и снова по кругу сосны, ели, березы... Изредка этот нескончаемый хоровод ярких осенних красок сменялся ручьем или небольшой речкой, через которые дорога перекидывалась мостами, и снова лес вставал сплошной стеной.

Мужичка, стоявшего на мостике, Сергей приметил издали. Дорога, раньше петлявшая, здесь, сбегая с небольшого пригорка, вытягивалась в ровную струну, и в чистом осеннем воздухе видимость была замечательная. Мужичок, одетый вполне прилично, облокотившись на перила моста, грустно и задумчиво смотрел на протекавшую внизу реку. Услышав мотор машины Сергея, он встрепенулся, глянул искоса, затем вроде бы решил поднять руку, оглянулся на реку, встряхнул головой, будто отгоняя какой-то сон, и тогда уже совершенно уверенно шагнул на дорогу и поднял руку. Сергей остановил машину и открыл окно.

– До Крестов не подбросишь?

– Нет проблем, садись.

– Спасибо.

Мужик уселся на переднее сиденье, повозился немного и затих, медитативно смотря перед собой. Несколько раз он вздыхал и, видимо, порывался что-то сказать, но сам себя обрывал и снова в молчании разглядывал набегающую дорогу. Минут через десять езды он все-таки решился завязать разговор и спросил о максимальной скорости машины. Сергей просветил его о технических характеристиках своей «Хонды». Тот вздохнул.

– Эх, была бы машина...

– Нет своей?

– Нет и не будет. У меня только мотоцикл был.

Он посопел, взглянул искоса на Сергея и продолжил:

– С него-то все и началось. Вся моя история.

Было видно, что ему очень хочется рассказать Сергею какую-то совершенно потрясающую фантастическую часть его жизни, но чего-то он боится. Сергей задумчиво протянул:

– Всякое бывает. Места-то непростые.

– Вот-вот. Непростые... – мужик посопел, снова вздохнул глубоко и, видимо решившись, начал рассказывать.

– Я, знаешь, парень, был видным женихом. И в работе первый, и деньгами богатый, и был у меня мотоцикл японский. Тоже вот «Хонда». Специально за ним аж в Москву съездил, у известного гонщика покупал задорого. Вернулся и ну гонять. Тогда-то дороги всё получше были, да и мотоцикл подходящий взял, чтобы по нашим кочкам ездить. Под это дело и познакомился я с девчонкой одной. Катались мы с ней много, как свободная минута, так в седло прыгнули да покатали. Объездили, считай, весь район, да еще в соседний заглядывали. А уж как на трассу выйдем, так только держись. Ветер свистит, а она ко мне прижмется, и так хорошо...

Он, спросив разрешения, закурил, и снова уставился в переднее стекло на дорогу.

– Катались мы, катались, и как-то закрутилось у нас. Ночь тогда была осенняя. Последние деньки катались перед зимой. Вот как раз на том самом мостике она мне в любви призналась. Я-то тогда был ёж колючий, да на все с шуточками, а она – огонь-девка. Чуть что не по ней – до драки дело доходило. Вот и стоим мы, а она мне и говорит: «Люблю, мол, тебя больше жизни и без тебя свет не мил». Я так с подковырочкой и спрашиваю: «Что, и жизни себя лишишь, если откажу?» А она вскинулась, посмотрела так молниями из глаз: «Не веришь?!» Вскочила на перила, да и сиганула с моста в реку.

Он замолк. Сергей вел машину и думал, что сказать. После недолгих размышлений он всё же спросил:

– Погибла она?

– А тут, парень, трудно всё. Ты дальше слушай. Сиганула она, а я к перилам. Перед мостом-то река мелкая, а за ним – бочаг. Да такой бочаг, что считай омут. Она, как камешек, булькнула да с головой ушла. Я телогрейку с себя да за ней. Ищу-ищу, а найти никак не могу. Насилу нашел-поймал да на берег тащу. А она не дается, холодная как лед, в водорослях вся, бьется как рыба в руках... Вытащил на дорогу, закутал в телогрейку, а тут повезло – ребята знакомые на тракторе из соседнего села домой ехали. Ну я мотоцикл в прицеп, а деваху в кабину, да сам туда втиснулся. И говорю, мол, быстрее довезите, а то совсем окочуримся. Погода вот была как сейчас, холод да сырость. Доехали мы. Её трясет, молчит, ничего не говорит, только глазами зыркает и трясется. Ну я в амбулаторию ее оттащил и сдал доктору нашему. Отошла она, правда, болела долго, но выздоровела. Через месяц и свадьбу сыграли. В дом свой ее привел. Только вот...

Он достал следующую сигарету, прикурил от предыдущей, глубоко затянулся и продолжил.

– С того дня переменялась она. Стала крикливая да занозистая. Все не по ней. Обабилась, располнела, подурнела, пилила каждый день. Детей вот не вышло завести, так она еще пуще начала меня допекать. Совсем переменялась. Еще и запила. Я-то думал, что, мол, вышла баба замуж, так всё – сорвало с катушек да понесло. А потом задумываться начал...

Он курил уже четвертую сигарету и надрывно кашлял в перерыве между фразами.

– Прабабка моя ведуньей местной была. Мелким часто я у нее сидел, рассказы её слушал. А рассказывала она, что в реках да озерах наших русалки водятся. Красивые да пригожие, как мужик на них взглянет – аж зубами скрипит да тем, что в штанах, думает. Но предупреждала она – не вздумай, мол, ловить их. Как ты её поймашь да домой приведешь – станет она не красавицей, а ведьмой да со свету тебя сживет...

Машина вырвалась из лесного плена на поля. Замелькали строения, мимо пронесся знак поселка Кресты.

– Вон у того крайнего дома останови.

Мужик завозился, пряча сигареты и зажигалку глубоко в карман куртки.

Сергей остановился у крайнего дома. За забором стояла неохватная бабища с пропитым красным лицом. Стоило только мужику открыть дверь машины, она заорала противным визгливым голосом:

– Где тебя носит, черт окаянный! Никчемный ты! Опять небось бродил по дороге да байки травил. Быстро домой!

Она повернулась и скрылась в глубине двора. Мужик обернулся к Сергею и, грустно глядя на него, сказал:

– С тех пор каждую осень хожу я на тот мосток, стою и думаю. Может, я тогда не ту выловил?

Галина Буланько

Мара

– Вот гады! – она безгласно ткнула ногой пустую упаковку от чипсов. – Никогда за собой не убирают.

Мара ненавидела туристов, а ещё охотников, грибников и прочих незваных гостей. Любого, кто шёл через лес, считала врагом. А кто ещё мог так поступать – топтать цветы, ломать ветки, бросать мусор. Мара плюнула на кусок яркой фольги, он скукожился и рассыпался кучкой праха. Вот так-то лучше!

Были времена, когда она жила в человеческих домах. Её уважали, боялись и всячески задабривали. Мара, а точнее Марфа Страшловна, числилась кикиморой и проходила по ведомству домашней нечисти. Лет двести назад она хаживала в леса и на болота только на дружеские вредилки, корпоративы по-нынешнему.

А теперича?

Города расплодились как крысы. Теснота, духота, вай-фаи эти треклятые. У Мары от них болела голова и сбоило колдовство.

А люди?

Раньше встретят кикимору и пугаются, почтительно так. Дом вычищают, полы с папоротником моют, посуду специальной травкой оплетают, пряжу с молитвами расчесывают. Ну красота же!

А сейчас?

Сразу за телефон хватаются и снимают. Надесь один с криком «Покемон! Покемон!» мчался за ней до самого леса. Вышла, называется, мир посмотреть, себя показать. Еле ноги унесла.

В лесу покоя тоже не было. Летом люди жарили мясо, пили пиво, вламывались в кусты с низменными целями. Она пробовала насыпать на них дурные сны. Но эти сволочи не спали, орали песни, ржали, как кони с конопляного поля. Зимой приходилось уворачиваться от лыжников. Парочку она тихонько толкнула в бок, и они полетели кубарем с горки. Невидимость – отличная штука для таких дел. Так, заместо того, чтобы расстроиться и забыть сюда дорогу, они достали телефоны и щёлкали друг друга в дурацких позах на снегу.

Кикимора примостилась на пенёчке. Лес был полон звуков. Мыши шелестели в густой траве. В кустах возились мелкие птицы. Кукушка где-то в глубине леса обещала долгую жизнь. Пахло соснами и сухой травой. День задался жарким. Солнце прожаривало землю, застревая лишь в густой хвое. Клонило ко сну.

– Мара, паучок ты мой полуденный, дрыхнешь, что ли?

Кикимора разлепила один глаз и тут же зажмурилась от блеска и шика. Яга! Вот кто нашёл себя в новом мире. От скуки она перешивала и перекраивала тряпье, скоплённое за века весёлой жизни. Рюши, пёстрые цыганские платки, домотканые кружева, витые шнуры, драгоценные пуговицы – всё, что оставляли ей на память путники, пошло в дело. Лес решил, что старая совсем склюквилась. Её дикие наряды терроризировали лесную живность. Горлицы не несли яйца, кукушки заикались, зайцы хромали. Но в городе косоногая попала на глаза модному критику и он сгрёб в охапку и её и наряды. Яга теперь жила в большом особняке с мастерской. Русалки устроились к ней на полставки, а потом и вовсе перебрались в город. Строчили на машинках теперь платья и юбки, вышивали и ткали. А Яга каталась в Париж и Рим, демонстрировала свои коллекции и гордо звала себя – бохо-дизайнер.

– Эй! – Яга постучала пальцем по Мариной шляпке. – Там есть кто-нибудь?

– Чего тебе, костяшка? Давненько ты нас визитами не баловала.

– Дела... – осклабилась Яга. – Я в Париж лечу, на неделю высокой моды. Можешь избушку мою навестить?

– Чаво?

– Встала я сегодня утром, а сердце-то как тукнет. Сиротинушка моя одна осталась, в город перебраться не соглашается. Я с этой избушкой триста лет душа в душу. Жалко её! Марочка, ягодка моя червивая, помоги, а?

– Ладно... – проскрипела Мара. – Навещу!

– Рыбонька моя пучеглазая, спасибо! – Яга расцеловала её и унеслась в вихре кружев и пёстрых юбок.

Кикимора подхватила лукошко с мухоморами и двинулась в глубь леса. Неожиданно её привлёк странный звук. Она прислушалась. Так и есть, это на заячьей поляне. Мара сделала пару шагов влево и осторожно раздвинула кусты.

Кикимора увидела почти голого человека, в одних труселях. Он сидел на земле, скрестив ноги. Глаза его были закрыты, он повторял только: «Ом-ом-ом!»

Леший с нами! Что это ещё за тип? Странный парень закончил свои песни, раскланялся во все стороны и поднялся. Ещё один турист! Но молодой человек вёл себя чудно. Он попытался поднять примятую траву, уступил дорогу жуку, переползавшему тропинку, аккуратно обошёл расставленные паучьи сети. Мара тихо отступила в тень. С такими экземплярами людей она ещё не встречалась. Ладно, волколак его знает! Может, сам уйдёт.

Избушка и правда грустила. Сколько лет уж Яга тут не появлялась? Окна заросли паутиной и потухли, как глаза больного. Дверь висела на одной петле и жалобно поскуливала. Внутри всё заросло пылью, пахло плесенью. М-да, тут не навестить, тут хозяин нужен. Пропадёт, голубушка, почём зря! Мара взялась за веник, вычистила избу. Принесла воды, протопила печь, отмыла окна. Избушка повеселела.

– И-их, матушка! – кикимора похлопала по бревенчатой стене. – Потерпи, я что-нибудь придумаю.

На два дома жить было тяжело. Мара навещала избушку через день или два. Тип в трусах прочно обосновался на заячьей поляне. Спал под дерюгой, пел свои омы и грыз сухари. Ничего не ломал, был вежлив со зверьём, деревьями и даже кустами. Окрестной нечисти и животине он полюбился. Даже Мара не знала, за что на него злиться. Он оброс бородой и стал похож на болотника или лешака. Его так и прозвали – наш Леш.

Как-то кикимора шла мимо Лешей поляны, так теперь её называли, но в положенное время не услышала знакомого ома. Мара даже споткнулась от неожиданности. Ушёл? Она выглянула из-за дерева. Леш лежал ничком у старого дуба и не шевелился. Кикимора всплеснула руками и подбежала к бездыханному телу.

– Леш, или как там тебя, ты жив? – она ударила его по щеке.

– Ма-м-ма... – бессмысленно улыбнулся парень. Он исхудал, стал похож на скелет. Мара сразу всё поняла – голодный обморок. Конечно! Одним омом с сухарями питаться!

– Фью-и-и-ить! – кикимора свистнула так, что с деревьев полетели листья. – Лешалыч, Шалыч и Копыч! Все сюда!

Из чащи выкатились молодые лесовики. Мара указала пальцем в сторону полутрупа и дала чёткие указания, что делать. Сама она пошла в другую сторону, нужно было спешить.

В печке весело трещали дрова, умывальник успокаивающе крапал, окошки уютно улыбались – избушка Яги была рада гостям. Молодого человека положили на широкую лавку. Мара приготовила бульон из кореньев и особого жира. Она вливала тёплую жидкость в рот Леша через каждые полчаса. К вечеру парень открыл глаза.

– Где я?

– О, очнулся, болезный! – кикимора влила юноше последнюю ложку отвара.

– Солодки-то столько зачем? – скривился Леш.

– Ишь ты! В травах разбирается, – Мара с удивлением посмотрела на недотуриста.

– Я в медицинском учился на фармфакультете. Мне очень нравилось с сырьём ковыряться. А потом не смог работать... – он помрачнел. – Обман это всё! Таблетки, пилюли, медицина. Думал вот в лесу жить...

– Ага, и чуть не помер! Ты что голодал-то? Здесь столько пропитания летом, весь лес кормится и еще столько же накормить можно.

– Я... это... забыл про еду, – парень широко улыбнулся. – А расскажите, что у вас там в составе было? – он кивнул на пустой кувшин.

Они проговорили всю ночь о травах, корешках, цветах, как собирать их да отвары с зельями готовить. Мара была счастлива впервые за много лет. Леш попросил тетрадку и, как бешеный, конспектировал и зарисовывал. Утром он так и заснул, уткнувшись носом в бумагу. Кикимора уложила его под одеяло и погладила по голове.

– Слушай, а звать-то тебя как? – спросила она через несколько дней.

– Лёша.

– Угадали! – захлопала в ладоши Мара. Леш или Лёша смотрел на нее озадаченно. Он как раз выкапывал под ее руководством кривой корешок.

– У меня к тебе купеческое предложение, – посерьёзнела лесная дама. – Хочешь вторым травником к нам пойти? Я на два леса разрываюсь, а ты парень толковый, быстро разберёшься. Сложно будет, не совру. Но и прибыль хороший. Зайцы тебе будут огород обхаживать, лесовики дрова колоть, Горыныч отвезёт куда надо, мавки воду натааскают...

Леш не стал дослушивать, а просто расцеловал Мару и крепко обнял.

Алексей Буцайло

Утка в зайце

Черная цитадель Кощея Бессмертного нависла над Иваном, как злой рок. Царевич поправил остроконечный шлем, отцепил от седла Сивки-бурки щит, выхватил из ножен меч-кладенец. Прокашлялся на всякий случай и заорал во всю мощь богатырских легких:

– Кошечей! Кошечей! Выходи на битву, бесовское отродье!

Иван был уверен, что злодей сразу же откликнется на зов и бросит на него своих подручных, с которыми придется вступить в неравный, но победный бой. Он уже представлял, как враги валятся от богатырской руки налево и направо, подобно скошенным снопам. Но цитадель молчала...

Царевич покричал еще немного, по-прежнему без ответа. Он собрался было уже обидеться, но тут ворота скрипнули и приоткрылись. Иван принял боевую позу, готовясь рубить супостатов, но представшее зрелище было столь неожиданным, что богатырь от удивления опустил оружие.

От ворот, аккуратно перешагивая через лужи, шел Сам – Кошей Бессмертный, злодей, эксплуататор и похититель Василисы. Только вот одет он был как-то очень странно, ну совершенно неподходяще для смертельной битвы. Вместо доспехов Кошей кутался в махровый халат, не скрывающий тощих лодыжек. В руках вместо меча нес кофейник и две белоснежные фарфоровые чашки.

– Ваня, ты чего разорался? – Кошей посмотрел на богатыря исподлобья. – Всех же перебудил!

– В каком это смысле перебудил? – опешил Иван Царевич. – Обед уже скоро.

– Это ты, деревня, привык вставать с петухами, – супостат опустил на один пенек, на другой поставил кофейник и чашки. – А мы люди интеллигентные, спать легли, когда уже светало. Ты чего хотел-то, голосистый?

– Так, это... – Иван пришел в себя от удивления и вновь принял воинственную позу. – А ну выходи на бой, басурман проклятый!

– Ага, конечно! – злодей и эксплуататор разлил по чашкам темно-коричневую жидкость, из одной с удовольствием отхлебнул. – Ты, небось, уже иглу с моей смертью из утки достал и готов сломать ее в нужный момент, чтобы я тут же лапти и склеил?

– Ну, в общем... – Ивану почему-то стало немного неудобно. – Да, достал.

– Ваня, – с досадой поморщился Кошей. – Ты вообще представляешь себе, как трудно было поймать утку и живой в зайца запихать, а?

– Так, а что делать, если тебя не победить никак иначе?

– А в покое меня оставить тебе в голову не приходило? Я вот тебе лично что плохого сделал?

– Как это что? Ты у меня Василису похитил и увез силком в Тридевятое царство! – Иван загнул один палец.

– Ах вот оно что! То есть, хочешь сказать, я виноват в том, что ты любимую женщину упустил?

– Это как это я ее упустил? – насупился богатырь.

– А вот так вот, – злодей вытянул ноги, усаживаясь поудобнее. – Тебе выпал редкий шанс в жизни, досталась уникальная женщина – умница, красавица, рукодельница. Это я еще интимной стороны не касаюсь. И что ты сделал? Носил ее на руках? Бросил весь мир к ее ногам? Окружил ее любовью и заботой?

– Ну я же это, ну...

– Нет, ты заставил ее пироги печь всю ночь, потом ткать ковры. А затем вообще не взял на праздник во дворец. А ты знаешь, как девушки любят веселиться во дворцах? Хлебом не корми!

– Так откуда же я знал? – пожал Иван плечами. – Она же все это время в лягушачьей шкуре была. Как было понять, что она красавица?

– Ваня, я тебе сейчас совет дам, как более опытный человек, знающий жизнь. Как бы ни выглядела твоя женщина, для тебя она всегда красавица. Потому что если она не будет полностью уверена, что ты ею восхищаешься и обожаешь, обязательно найдет другого, который ее в этом уверит.

– Это тебя, что ли?

– В нашей парадигме отношений – именно меня, – кивнул Кощей с серьезным видом.

– Все равно ты во всем виноват, супостат! – Иван со свистом взмахнул мечом.

– Ты, царевич, заканчивай в своих проблемах искать виноватых на стороне. С таким подходом ты ничего в жизни не добьешься! И сабелькой своей махать заканчивай, мне она не страшная, потому как не возьмет до тех пор, пока иголка целая.

– Все равно выходи на бой! Положено так!

– Кем положено? – наострил уши эксплуататор.

– Как это кем? – вновь смутился Царевич. – Ну, это в сказках так написано, в былинах там разных.

– Не надо верить всему, о чем в былинах поется. Своим умом думай. Садись вот лучше, отдохни, кофею выпей. У меня кофей хороший, Дядька Черномор через границу контрабандой возит. У твоего отца во дворце такого отродясь не было.

– Если не будешь сражаться, я просто убью тебя, – богатырь в очередной раз вскинул оружие.

– Ага, и во все сказки войдешь как Иван – Убийца безоружных. От позора уже никогда не отмоешься, ни один честный человек тебе руки не подаст.

– Так свидетелей же нет.

– Логично, да, – Кощей привстал, обернулся в сторону крепости и крикнул. – Эй, Баян-сказитель, ты там где застрял?

– Виноват, ваше злодейшество, – из ворот вышел седобородый старец благообразного вида с посохом в руках и гуслями на перевязи, подошел поближе.

– Так он же слепой, ничего не видит. Какой он свидетель?

– Зато слух, как у летучей мыши. Уже завтра по всем кабакам будут петь песню о твоём позоре. Давай, пиит, зажги глаголом!

Баян кивнул, положил посох, пробежался длинными пальцами по струнам и запел глубоким басом:

*Ой, взмахнул мечом да Иван-Злодей,
Он мечом махнул да голову срубил,
Да голову срубил он Кощеюшке,
Погубил зазря сиротинушку...*

– Спасибо, достаточно, – поморщился Кощей и помахал рукой в воздухе. – Это пока так, наброски. Он еще с текстом поработает – эффектные метафоры поищет, гипербол и эпитетов понакидает.

Иван на несколько секунд задумался, потом присел на корточки рядом с Кощеем, взял с пенька чашку.

– Ты, Ваня, главное, не комплексуй по этому поводу, – Кощей по-дружески похлопал Царевича по плечу. – Ну выбрала девушка другого, это же не конец света. Ты молодой, перспективный, из хорошей семьи. У тебя красавиц еще, знаешь, сколько будет? Устанешь отбиваться.

– Мне другие не нужны. Я ее люблю, – насутился Царевич.

– Любит он... Да ты ее в человеческом облики видел-то всего один раз, когда она улетала. Это у тебя, Ваня, гормоны по молодости играют. Возраст у тебя такой, сложный. А у нас с Василисой все серьезно, – Кощей залез в карман и достал бархатную коробочку, внутри которой оказалось кольцо с бриллиантом размером с пуговицу. – Хочу ей сегодня вечером предложение сделать. Как думаешь, понравится ей колечко?

– Понравится, – сокрушенно кивнул Иван. – Красивое.

– Вот и славно. А ты не грусти, Ваня, не грусти. Тебе же отец дал денег на дорогу?

– Дал.

– Вот и воспользуйся моментом. Поезди по миру за отцовский счет, посмотри, как люди живут. Поди и не был нигде, кроме отцовского дворца и Василисиного болота?

Иван вновь кивнул, но уже не так грустно.

– Вот видишь. А в мире столько всего интересного. Когда еще выберешься посмотреть? Жениться успеешь – у тебя вся жизнь впереди. Это мне уже пора заканчивать с холостой жизнью. Семью заведу, детишек – надо же кому-то все это хозяйство передавать.

– Ладно, поеду я, – Иван залпом допил кофе, слегка поморщившись от горечи. – Ты мне только одно объясни, Кощей.

– Что?

– А ты утку в зайца зачем запихнул?

Кощей смущенно кашлянул.

– Это, Ваня, называется инсталляция. Меня этому Фата Моргана научила, когда я на Туманном Альбионе в злодействе стажировался. Говорит, все культурные люди в Европе так делают время от времени. Я так толком и не понял зачем, но процесс занимательный. Ты, кстати, это – иголочку-то мне оставь, а то ненароком сломаешь. А мне еще детей на ноги ставить, да и молодую жену вдовой оставлять как-то уж совсем нехорошо.

Александр Горбов В поисках счастья

– Избушка, избушка... Ну, это, повернись ко мне передом, к лесу этим... Задом. Вот. Куроногая изба тихонько заклохотала, потопталась на месте, но поворачиваться и не подумала.

– Избушка, ты давай поворачивайся. Ко мне передом, к лесу задом. Как положено. А то понимаешь ли...

Довести мысль до конца Ивану не удалось. Окно в избушке распахнулось, и баба Яга, высунувшись по пояс, заорала.

– Я тебе поверну! Расходились тут, командуют они. Хрен вам лысый! Права администратора избушки у меня одной! Выкуси!

Старушка показала Ивану жилистую фигу.

– А?

– Вот дурак же. Я говорю, только мне командовать избушкой можно. Понял, балбес?

– Ааааа...

– Чо хотел?

– Так это, я вот... За счастьем пришел. Ага.

– Тьфу ты!

Яга спряталась обратно в избу.

– Ну, это, а счастье-то, бабушка?

Избушка со скрипом и кудахтаньем развернулась, и на порог вышла Яга, закутанная в длинную цветастую шаль.

– Опять тебе нейдет?

– Ну дык...

– Ой, допрыгаешься ты у меня. Кто неделю назад приходил? Что ты мне говорил? Мысли тебе о судьбах мира мешают быть счастливым? Сколько мы тебе айкью заграничного обрезали? Половину? Не видно, чтобы помогло, не видно. Еще, что ли, резать будем? Так ты тогда совсем дебилом станешь.

Иван потупился и виновато развел руками.

– Ну-ка, иди сюда, болезный ты мой.

Дурак, не поднимая головы, подошел к избушке. Бабка прищурилась, поухватестее взяла клюку и со всей силы огрела Ивана по голове.

– Ы-ы-ы-ы!

– Не ыкай мне тут. Иди вон в теньке полежи, пока я думать буду.

Через пару часов Яга снова вышла на порог избушки. Иван, разлегшись под молодильной яблоней, играл сам с собой в шахматы.

– Полегчало, Иванушка?

– Весьма облегчили вы моё скорбное положение, Яга Горыновна. Беда только в том, что, избавившись от гнета наведенного тупоумия, низвергнулся я в пучину мыслей о державе нашей, о судьбах мира и проблеме испарения черных дыр...

Бабка нахмурилась, прищутив левый глаз.

– Косатик, я тебя уже предупреждала, будешь такими словами срамными разговаривать – превращу в лягушку и выкину на болото...

– Прости, Яга, – Иван скривился как от зубной боли, – несет, не могу остановиться.

– Иди сюда, мудрец, будем думать над твоим счастьем.

Иван залез на крыльцо избушки и сел рядом с Ягой в позу лотоса. Бабка только сплюнула, увидев такое.

– Значит, подведем итог. Страдаешь ты от большого ума. От маленького ума тоже страдаешь. Счастье найти не можешь.

Парень горестно вздохнул.

– А все почему?

Яга ткнула его в грудь узловатым пальцем.

– Потому что ты неправильно понимаешь счастье.

Иван удивленно поднял бровь.

– Счастье – это не перманентное состояние экстаза. Это динамический процесс, когда ты живешь полной жизнью. Это дорога с холмиками радости, с ямками печалей. Но на этой дороге ты реализуешь себя полностью. Показываешь себя миру таким, какой ты на самом деле.

– И как этого достичь?

– Цель. Нужно поставить себе большую цель и идти к ней, никуда не сворачивая. Хочешь стать царем?

– Да ну. Скучно, муторно. Да и грязное это дело – политика.

– Может, тогда ученым?

– Кот уже есть, вторым быть не интересно.

– Ладно, есть у меня для тебя особая цель.

Яга вынесла из дома скрученный в трубочку холст и торжественно развернула. На ткани мелким крестиком был вышит портрет девушки.

– Вот! Василиса Премудрая.

– Симпатичная.

– Томится в неволе у Кощея Бессмертного. Вызволишь её, женишься и будет тебе счастье.

Иван задумчиво почесал голову.

– Да ну, это же десять пар железных сапог снашивать, мечом махать... Еще не факт, что живым останусь. Не стоит оно того.

– И-и-и-х! – Яга треснула клюкой Ивана по макушке. – Василисочка, значит, моя не стоит?

– Ы-ы-ы-ы...

Парень с глупой улыбкой пялился на портрет.

– Опять не рассчитала... Ну да ладно. Нравится?

– Ы-ы!

– Вот так бы сразу. А то не стоит... Пойдешь её выручать?

– Ы! – Иван-дурак со всего размаху стукнул себя в грудь.

– Вот и чудненько. Так, меч кладенец я тебе не дам. А то и его сломаешь и сам порежешься. Держи-ка ты дубинку-убивайку. Хорошая, из мореного дуба.

Дурак взял из рук Яги дубину, с восхищением стал ее осматривать.

– Давай иди уже. Я вот тебе и узелок в дорогу собрала.

Яга махала белым платочком вслед герою и тихонько бурчала сама себе.

– Ладно, куда ты денешься, освободишь девочку. Главное, Кощея предупредить, а то еще зашибешь старичка. Как женишься, так и ум тебе верну. А уж Василиса тебе не даст о всякой ерунде думать. Эх, мужики пошли, одно горе от ума.

Занудастарый Космический

Полевик, полевой (белор. палявік, укр. польовик) – дух-хозяин поля в мифологии восточных славян. Представления о полевике встречались редко, и, соответственно, дошедший до нас образ довольно смутен.

ВИКИПЕДИЯ

Ваня-Полевик только устроился немного отдохнуть в уютном распадочке, как с неба что-то грохнуло, засверкало и устремилось к земле.

– Жито пожёт! – подхватился Полевик.

Перебежав две полосы, увидел он дымящуюся луковицу размером с баню. Стояла она на трех подпорках и негромко потрескивала. Сбоку открылось окошко и вышел оттуда странный домовый. Глаза как блюдца, шея тонкая, ростом мал, на голове странные волосы, синие – пучками...

– Кто таков? – насторожился Ваня. Домовой наклонил голову, покрутил глазами и что-то просвистел-прочиркал.

– По-нашему не знаешь, – понял Полевик, – лес да поле, речка текучая, помогите мне, обучите гостя речи нашей.

Словно тень над луковицей пронеслась, трава пригнулась, ветер зашумел!

– Ни хрена себе! – ахнул гость и замолк. После паузы повторил, – ни хрена... как ты сделал это? Без транслятора, без мыслеуловителя?

– Сделал, как деды учили. Ты чьих будешь? Почему дом свой посреди поля ставишь, меня не спросив?

– Не дом это, а корабль мой!

– Корабль? Не заливай! Где ветрила, где кормило? Чего он на земле стоит? Как поплывет он, если ни носа, ни кормы не видно? – забросал вопросами гостя Полевик.

– Корабль мой не плавает, а летает!

– Ты с шутками аккуратней, а то не посмотрю, что чужанин. Как же он летает, коли крыльев нет?

– Он не по воздуху летает, а между звездами! Ему ни крылья, ни ветрила не нужны.

– Между звездами? – Полевик начинал сердиться. – Между этими огоньками в небе? Там же нет ничего, зачем там летать?

– Работа у меня такая, за порядком слежу в этом секторе. Позвольте отрекомендоваться, инспектор Звездной охраны Храиллен Шестнадцатый!

– Так ты наш?

– Какой такой ваш? Вы что, тоже полицейские, за порядком следите? – поразился гость.

– Полицейские? Кто такие? Мы тут за порядком следим испокон, никаких полицейских видом не видели! Как учили, так и следим. Вот смотри, я Полевик, тут в поле за порядком слежу, чтобы жито не потоптали звери, чтобы пала не было, чтобы урожай добрым был. В лесу Леший живет, там он свои порядки соблюдает. В пруду, вон, Водяник пескарей гоняет. А во-о-о-он, видишь, избы стоят? В них Домовые живут, за людьми присматривают да порядок поддерживают. Послушай, Храиллен Шестна-дцатый, это получается, пятнадцать Храилленов до тебя сектор блюли, а ты по их стопам пошел?

– Нет, Шестнадцатый – это фамилия. Три моих мамы были поварами, дома варили, а еще две погоду считали. А я вот в инспекторы пошел... мотаюсь по космосу, дома три тысячи лет не был.

– По космосу? Ты, стало быть, Космический? Я Полевой, ты Космический... Понятно. А можешь что? Удалью померяемся? – подбоченился Ваня.

– А как ею меряться, удалью? – заинтересовался Храиллен.

– А померяемся, кто быстрее, кто ловчее, кто сильнее. Вон, видишь, тропинка? Побежим по ней до опушки, кто быстрее. Побежали? Раз, два, три!

Храиллен поджал под себя ноги и полетел над тропинкой.

– Воздушная подушка, – горделиво сказал он.

– Что ж она у тебя такая пыльная? – чихая, спросил Ваня. – Побежали!

Подлетев к опушке, Храиллен увидел сидящего в тенечке Полевика.

– Давай обратно! – крикнул Храиллен и резко развернулся. Подлетая к кораблю, он опять увидел Полевика.

– Как ты это делаешь?

– Как, как... с детства обучен. Давай теперь силой меряться. Вон камень стоит, сможешь поднять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.